

12+

Сергей Осипов

Логика спекулятивных понятий

Сергей Осипов

Логика спекулятивных понятий

<https://litres.ru/74340182>

ISBN 9785007094405

Аннотация

«Логика спекулятивных понятий» — эссе, продолжающее «Мышление и Время» того же автора. В отличие от диалектики, устанавливающей различия в Универсуме, логика спекулятивных понятий отождествляет различия. Спекулятивные понятия — это понятия, пытающиеся исследовать и осознать самих себя. В эссе приводятся примеры таких понятий, почерпнутые из современного научного знания и религиозного миропонимания. Книга может быть интересной тем читателям, для которых Мышление не является чем-то безразличным.

Содержание

Справка об авторе	5
Введение	6
Формальная логика	8
Декарт	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Логика спекулятивных понятий

Сергей Николаевич Осипов

Корректор Алена Базлова

© Сергей Николаевич Осипов, 2026

ISBN 978-5-0070-9440-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Справка об авторе

Сергей Николаевич Осипов (род. в 1954) — математик, прозаик, поэт, эссеист. Автор книг стихов «Петербург» (Санкт-Петербург, 2013), «Зеркало» (2016), историко-философских повестей «Аппиева дорога» (2016), «Глухариный ток» (2016), сборника повестей и рассказов «Минуты мира роковые...» (2019), эссе «Мышление и Время» (2020). Проза и стихи публиковались в журнале «Звезда» (март 2016), в альманахах «Муза» (Москва, 2014—2018), «Где дом мой...» (Москва, 2012). С 1977 года преподавал в технических ВУЗах Ленинграда и Санкт-Петербурга. Кандидат технических наук, доцент по кафедре физики. Автор монографии, научных статей и учебных пособий по физике и технике. Разработчик международного стандарта ISO 16458:2004 Space systems — Unmanned spacecraft transportation — General requirements. В 1996—2002 гг. руководил транспортировками боевых расчетов и космической техники на Байконуре и на Байконур. Живет в Санкт-Петербурге.

Введение

Наука, обнаруживающая противоречия в рассуждениях, со времен Аристотеля называется формальной логикой. Интересно, что почти за две с половиной тысячи лет проявления строгости к доказательствам не было найдено ни одного содержательного непротиворечивого рассуждения. Более того, обнаруженное сто лет назад Геделем противоречие между полнотой и непротиворечивостью аксиоматических систем, базирующихся на аксиоматике Пеано, указывает нам на то, что, возможно, такое положение вещей является всеобщим. В заметке «Формальная логика», помещенной в предлагаемом вашему вниманию тексте первой, рассматривается недостаточность такой логики и делается попытка преодолеть эту недостаточность путем критики и расширения понятия «логическая строгость».

Про Декарта Гегель писал, что тот *«дал философии совершенно новый оборот»*, в том смысле, что, исходя из другого, пришел к тому же, на чем Аристотель остановился — к спекулятивному понятию, т. е. к понятию, обращенному на само это понятие и поэтому заведомо и осознанно противоречивому. Небезынтересно отметить, что Декарт, дав толчок развитию строгой математической и физической наукам, пользуется до сих пор чуть ли ни наибольшим из философов авторитетом у физиков. Известно заявление Луи де-

Бройля на одном из симпозиумов по основаниям квантовой механики: *«Мы привыкли к декартовской ясности духа»*, подразумевающее, видимо, что теперь эта ясность утрачена. В заметке «Декарт» и связанной с ней «О мышлении по аналогии» дается анализ способа рассуждения, считающегося единственно возможным во всех точных науках.

В последующих заметках «Диалектика спекулятивных понятий» и «Скептицизм и спекулятивность» дается описание альтернативного способа мышления, совпадающего со своим содержанием. Это и есть логика спекулятивных понятий, демпфирующая и снимающая противоречия логики формальной. Позитивное содержание логики спекулятивных понятий в противовес разрушающему действию диалектической логики будет рассмотрено в заметке «Контейнер, сам себя содержащий». На постановке задачи дальнейшего изучения природы спекулятивных понятий, а значит и самого мышления, мы остановимся в заметках «Универсум и его состояния», «Принцип неопределенности и парадокс Лжеца», а также «Любовь Мышления к Универсуму».

Формальная логика

Сама формальная логика трагична в силу того, что пытается изгнать время из своего содержания, оперируя только раз и навсегда заданными «правилами», выполнимость которых предполагается (утверждается!) всегда и везде. И, видимо, нельзя поправить эту науку, ограничив область действия ее правил. Ведь нужна будет абсолютно точная граница, ибо в противном случае мы потеряем все преимущества такой логики, потеряем ее саму. Но как можно указать точную границу, имея лишь конечное (нулевое в пределе) время для указания? По-видимому, есть только два способа: либо сказать, что правила справедливы везде и всегда (что и дает формальную логику), либо нигде и никогда (пустая логика).

Уместно в этой связи вспомнить слова Гегеля: *«Формальная логика получила значение дисциплины, обучающей нас правильно мыслить, так что получается видимость, будто движение мысли есть нечто самостоятельное, не имеющее никакого касательства к тому, о чем думают».*

Противопоставить неподвижной формальной логике надо меняющуюся логику, имеющую своим предметом, в том числе, и саму себя. Логику как саморазвивающуюся систему. Это и будет *«мышление мышления»* или *«критика кри-*

тики».

Такой «логикой» является сама действительность. Но в действительности это происходит крайне медленно и неосознанно, а самое главное — пассивно.

Первый принцип меняющейся (разумно-чувственной) логики: не бояться ошибиться на начальном шаге ее построения. Ведь устанавливая первый элемент в развивающейся конструкции, нелепо стремиться сразу же установить его правильно. Надо отбросить трусливую привычку, продвигаясь вперед, чувствовать надежные тылы за собой. Тылы ведь тоже могут меняться по мере этого продвижения.

Установить первый элемент сразу правильно, наверное, и невозможно, ибо сам критерий правильности будет меняться с появлением новых элементов (Гедель). Ведь при становлении мы познаем нечто ранее не существующее, а не открываем что-то и до того существовавшее. Иными словами, если принять во внимание фактор времени, в котором мышление и происходит, то ранее установленное будет отрицаться новым содержанием.

Только в случае отрицания времени можно было бы объяснить стремление мыслить (видеть) все и сразу таким, как оно есть, игнорируя возможность изменения самого мышления (видения).

Мышление не меняется только в отношении вещей и предметов, бесконечно далеких от его (мышления) «центра» и не могущих в силу этого повлиять на сам этот «центр».

Такие предметы и вещи и есть «конечное», образующее область применения формальной логики.

Даже самая точная из ныне известных наук — математика, подходя к своим основаниям, перестает быть формальной и конечной. Лишь вдалеке от своих оснований, где можно пренебречь их искривляющим влиянием, она такова.

Образно говоря, можно пытаться пользоваться «атомарной» логикой при изучении «молекул», но ни при изучении самих «атомов».

Интересно, что подобное положение дел имеем и в языке, где грубые кирпичики слов, вышедшие из обжига привычной речи, не могут выложить тонкого смыслового узора, например, при исследовании словами самого слова. Нужна более мелкая мозаика, но ее нет. Остается действовать на стыке смысловых значений слов, беря от каждого лишь малый краешек границы его семантики, чтобы рисовать такими короткими линиями тонкий узор. Так грубым создается тончайшее, но при этом оно сосредотачивается лишь в близкой окрестности одной точки смыслового фокуса. Другие семантические края, удаленные от этого фокуса и поэтому не участвующие в виртуозной игре смыслов, создают абсолютную невнятицу в своем уже случайном, не предусмотренном автором соединении.

Поэтому-то такого рода тексты мерцают от гениальности до безумия. Смысл «парит» над текстом, и текст надо пробегать, угадывая его смысл, едва касаясь. Если долго задер-

живаться на местах, удаленных от фокуса такого текста, то текстовая ткань расползется, растает, не выдержав грубого вмешательства в себя. Возможно, это и имеют в виду, когда говорят об умении читать между строк, в данном случае — слов.

Декарт

Философия Декарта напоминает спираль, стремительно разворачивающуюся из одной спекулятивной точки, куда она была сведена силой отвлеченного рассудка. Сомнение, усомнившееся в самом себе, и есть эта первоначальная точка. Но постепенно «пружина Декарта» теряет инерцию своего движения и, в конце концов, застывает в пассивной рассудочности. Последнее показал если не сам Декарт (не успел), то продолживший картезианство Спиноза. В итоге в некотором смысле он пришел к тому же, с чего когда-то Декарт начинал.

Интересно проследить, как закручивалась эта «пружина». Декарт начал с интуитивно понимаемого сомнения, отбрасывая и отменяя с его помощью все накопленные некритичным средневековым предрассудки и необоснованности. Так рассудочность постепенно сжимала и сжимала пружину, но не было той точки отсчета и того упора, за который можно было бы зацепиться, чтобы отпустить упругий металл и перевести дух. Для этого необходимо было обратить сомнение на самое себя, к чему неминуемо и приближался Декарт, все более и более сужая область поисков «незыблемого авторитета». В итоге он и пришел к сомнению в своем собственном сомнении: *«Я могу сомневаться во всем, кроме того факта, что я существую, ибо само мое сомнение доказыва-*

ет, что существует некто сомневающийся»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.